

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 4, Pp. 795–810, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 338.22.01

Турецкое экономическое чудо как миф

Давид Гургенович Бдоян¹,
Эльдар Соломонович Манаширов²

The Turkish Economic Miracle as a Myth

David G. Bdoyan¹,
Eldar S. Manashirov²

¹ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

0000-0002-2810-3808. E-mail: d.g.bdoyan[at]gmail.com

² Высшая школа экономики (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Российской Федерации)

студент

National Research University Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St., 101000 Moscow, Russian Federation)

Student

0009-0008-4453-4051. E-mail: manashirov25[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Бдоян Д. Г., Манаширов Э. С., 2025

© Bdoyan D. G., Manashirov E. S., 2025

Аннотация. Введение. Данная статья нацелена на проведение критического анализа феномена «турецкого экономического чуда» периода 2002–2010 гг. и последовавших за ним кризисных явлений, а также их влияния на позиционирование Турции на международной арене в соответствии с авторской концепцией и методологией, описанной Эльдаром Манашировым в научной монографии «Клуб разных миров: картография богатства и бедности». Материалы и методы. На основе сравнительного анализа ключевых макроэкономических показателей Турции и референтной группы развивающихся стран выявлены структурные дисбалансы турецкой экономической модели: хронически отрицательный счет текущих операций, низкая доля высокотехнологичного экспорта и чрезмерная зависимость от потребительского кредитования. Особое внимание уделено нетрадиционной монетарной политике последних лет, основанной на неофиширианском подходе, противоречащем конвенциональной экономической теории. Представлена теоретико-игровая модель взаимодействия государства и инвесторов, объясняющая формирование равновесий в экономике Турции. Результаты. Таким образом, в результате анализа выявлены факторы, подрывающие устойчивость турецкой экономики, которые ставят под сомнение ее долгосрочные перспективы. В свою очередь монетарная политика Турции привела к нестабильности валютного курса и инфляционным давлениям, что негативно сказалось на инвестиционном климате.

те. В контексте geopolитики относительные экономические успехи 2000-х гг. способствовали эволюции внешнеполитической стратегии Турции от европоцентричности и миролюбивости к возрождению идеологии неоосманизма. Внешняя политика Турции стала более проактивной и агрессивной, а внутриполитические процессы способствовали росту авторитарных тенденций в правлении Партии справедливости и развития. *Выводы.* В результате исследования авторы пришли к выводу, что концепция «турецкого экономического чуда» является несостоятельной, необходимы фундаментальные корректировки экономической стратегии страны. Особенно остро этот вопрос стоит в условиях наличия серьезных вызовов geopolитическим амбициям Турции, в том числе в контексте несоответствия неоосманистских амбиций ее экономическим возможностям на современном этапе.

Ключевые слова: турецкая экономика, экономическое чудо, монетарная политика, неофиширианский подход, инфляция, структурные дисбалансы, теория игр, стагфляция, развивающиеся рынки, инвестиционный климат, geopolитика, неоосманизм

Для цитирования: Бдоян Д. Г., Манаширов Э. С. Турецкое экономическое чудо как миф // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 4. С. 795–810. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-795-810

Abstract. *Goals.* The article presents a critical analysis of the ‘Turkish economic miracle’ of 2002–2010 and the subsequent crises, as well as their impacts on the geopolitical positioning of Turkey in accordance with an original concept and methodology. *Materials and methods.* The comparative analysis of key macroeconomic indicators for Turkey and a reference group of developing countries reveals certain structural imbalances of the Turkish economic model: a chronically negative current account, a low share of high-tech exports, and excessive dependence on consumer lending. These factors undermine the stability of the economy and call into question its long-term prospects. Particular attention is paid to the unconventional monetary policy of recent years based on a neo-Fisherian approach that contradicts conventional economic theory. This policy has led to exchange rate instability and inflationary pressures, which have negatively affected the investment climate. The paper introduces a game-theoretic model of interaction between the government and investors to explain the formation of equilibria in the Turkish economy. *Results.* Thus, as a result of the comparative analysis, factors undermining the sustainability of the Turkish economy have been identified, which cast doubt on its long-term prospects. In turn, Turkey’s monetary policy led to exchange rate instability and inflationary pressures, which negatively affected the investment climate. In terms of geopolitics, it is noted that the relative economic successes of the 2000s contributed to the evolution of Turkey’s foreign policy strategy from Eurocentricity and peacefulness — to the revival of neo-Ottoman ideologies. Turkey’s foreign policy has become more proactive and aggressive, while domestic political processes have contributed to the growth of authoritarian tendencies in the government of the Justice and Development Party. *Conclusions.* The article concludes that the concept of ‘economic miracle’ is untenable, that the country’s economic strategy needs a fundamental adjustment, and that there are serious challenges to its geopolitical ambitions, including in the context of the discrepancy between neo-Ottoman ambitions and Turkey’s economic capabilities at the present stage.

Keywords: Turkish economy, economic miracle, monetary policy, neo-Fisherian approach, inflation, structural imbalances, game theory, stagflation, emerging markets, investment climate, geopolitics, Neo-Ottomanism

For citation: Bdoyan D. G., Manashirov E. S. The Turkish Economic Miracle as a Myth. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 795–810. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-795-810

1. Введение

Исследование экономики Турции представляет собой не только академический интерес, но и значительную практическую ценность для понимания специфики развития стран с формирующимиися рынками. С начала 2000-х гг. турецкая экономика стала

объектом пристального внимания мировой общественности, а политическое руководство страны регулярно заявляло о формировании своеобразного «экономического чуда», результатом которого должно было стать вхождение Турции в число ведущих экономик мира.

Однако при детальном рассмотрении фактического состояния турецкой экономики обнаруживается существенное расхождение между официальной риторикой и реальным положением дел. Кризисные явления последних лет — обвальное падение курса лиры, галопирующая инфляция и снижение уровня жизни населения — заставляют ставить под сомнение концепцию «турецкого экономического чуда» и переосмыслить опыт экономических преобразований в этой стране.

В научном дискурсе относительно турецкой экономической модели сформировались противоположные позиции. С одной стороны, ряд исследователей, таких как Н. Ю. Ульченко, рассматривает период экономического роста 2002–2010 гг. как следствие удачных структурных реформ и называют его «турецким чудом» [Ульченко 2010: 125]. В их работе подчеркивается, что Турция смогла добиться впечатляющих показателей роста ВВП, привлечения иностранных инвестиций и увеличения экспорта. С другой стороны, критические исследования Д. Родрика [Rodrik 2009: 1–26], С. Курсата и К. Текина выявляют структурные дисбалансы турецкой экономики и указывают на несостоятельность стратегии экономического развития, основанной преимущественно на потребительском кредитовании и строительном буме [Cinar, Kose 2015: 12].

Настоящее исследование ставит целью проведение комплексного анализа экономической модели Турции и выявление фундаментальных причин кризисных явлений, наблюдавшихся в турецкой экономике. Данная работа не только критически переосмысливает концепцию «турецкого экономического чуда», но и предлагает теоретико-методологические инструменты для анализа экономических моделей развивающихся стран, позволяющие дифференцировать устойчивый экономический рост от временных конъюнктурных всплесков, которые обусловлены экзогенными факторами.

Трансформация турецкой экономики за последние три десятилетия представляет собой сложный и неоднозначный процесс, характеризующийся чередованием периодов бурного роста и острых кризисов. Рубеж

1990-х гг. ознаменовался для Турции началом серьезных экономических преобразований под влиянием общемировой тенденции к либерализации и глобализации. Примечательно, что уже тогда проявились характерные черты турецкой экономической модели: высокая волатильность темпов роста, хроническая инфляция и зависимость от внешнего финансирования [Ульченко 2011: 20].

Финансовый кризис 2001 г. стал поворотным моментом в экономической истории современной Турции. Обвал национальной валюты на 40 %, банкротство значительной части банковского сектора и глубокая рецессия потребовали разработки новой экономической стратегии. Под руководством министра экономики Кемаля Дервиша была реализована программа стабилизации, включавшая укрепление банковского сектора, сокращение бюджетного дефицита и структурные реформы. Эта программа, поддержанная кредитами Международного валютного фонда на сумму более 20 млрд долл., заложила основу для последующего экономического подъема.

Приход к власти Партии справедливости и развития (далее — ПСР) во главе с Реджепом Эрдоганом в 2002 г. совпал с началом периода относительной экономической стабильности. В период с 2002 г. по 2013 г. турецкая экономика демонстрировала впечатляющие показатели роста — в среднем около 5,8 % в год. Объем экспорта увеличился с 36 млрд долл. до 152 млрд долл., а прямые иностранные инвестиции выросли с 1 млрд долл. до 19,2 млрд долл. в год. Номинальный ВВП Турции увеличился с 238 млрд долл. до 950 млрд долл., что позволило стране войти в двадцатку крупнейших экономик мира [Аббасов 2017: 73].

Однако углубленный анализ источников этого роста выявляет его неустойчивую природу. Экономический подъем был в значительной степени обусловлен благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, характеризовавшейся избытком ликвидности на мировых финансовых рынках и низкими процентными ставками. Турция активно использовала эту ситуацию, привлекая иностранный капитал преимущественно в форме портфельных инвестиций и краткосроч-

ных займов. Это обеспечивало финансирование дефицита текущего счета, который к 2013 г. достиг критического уровня в 7,7 % ВВП, что сделало экономику чрезвычайно уязвимой к изменениям настроений международных инвесторов.

Структура экономического роста также вызывает вопросы. Основным драйвером роста было внутреннее потребление, финансируемое за счет кредитной экспансии. Отношение частного долга к ВВП увеличилось с 15 % в 2003 г. до 70 % в 2013 г. Значительная часть инвестиций была направлена в строительство и недвижимость, что создавало видимость экономического бума, но не способствовало развитию экспортопрориентированных и высокотехнологичных отраслей.

Переломный момент наступил в 2013 г., когда Федеральная резервная система США объявила о планах сворачивания программы количественного смягчения. Это привело к оттоку капитала с развивающихся рынков, включая Турцию. Курс лиры начал снижаться, инфляционное давление усилилось. Однако вместо коррекции экономического курса правительство Эрдогана предпочло краткосрочные меры стимулирования экономики и сохранение низких процентных ставок вопреки росту инфляции [Elliott 2013].

Ситуация усугубилась после неудачной попытки государственного переворота в июле 2016 г., которая привела к установлению президентской системы и усилению авторитарных тенденций в управлении. Экономическая политика стала все больше подчиняться политическим интересам правящей элиты, а не объективным экономическим потребностям. В 2018 г. валютный кризис привел к падению курса лиры на 40 %, что спровоцировало рост инфляции и процентных ставок [Никотин 2016: 85–87].

Текущее состояние турецкой экономики можно охарактеризовать как критическое. Инфляция, по официальным данным, превышает 60 % (по независимым оценкам — более 100 %), безработица сохраняется на высоком уровне, а реальные доходы населения снижаются¹. Неконвенциональная

монетарная политика, направленная на снижение процентных ставок вопреки высокой инфляции, привела к дальнейшему обесцениванию национальной валюты и подрыву доверия инвесторов.

2. Критический анализ неофиширанской политики Эрдогана

Монетарная политика турецкого правительства под руководством Реджепа Тайипа Эрдогана в последние годы представляет собой уникальный экономический эксперимент, бросающий вызов конвенциальному пониманию взаимосвязи между процентными ставками и инфляцией. Концептуальной основой данного эксперимента выступает так называемый «неофиширанский» подход, который коренным образом переворачивает доминирующие представления о механизмах денежно-кредитного регулирования и ставит под сомнение классические постулаты монетарной теории [Elliott 2013].

Сущность неофиширанского подхода заключается в инверсии причинно-следственной связи между процентными ставками и инфляцией. Согласно этой концепции, высокие номинальные процентные ставки не сдерживают, а, напротив, стимулируют инфляционные процессы в долгосрочной перспективе. Сторонники данной теории утверждают, что номинальные процентные ставки включают в себя инфляционную премию, а потому высокие ставки фактически «сигнализируют» рынку о высокой инфляции в будущем, формируя тем самым соответствующие инфляционные ожидания, которые впоследствии реализуются на практике. Исходя из этой логики, президент Р. Т. Эрдоган настойчиво продвигает идею о том, что снижение процентных ставок должно привести к сокращению инфляции — тезис, противоречащий большинству эмпирических исследований и теоретических моделей современной макроэкономики [Gobbi et al. 2022: 1–21].

Радикальный отход от ортодоксальной монетарной теории наиболее ярко проявляется при сопоставлении неофиширанских идей с классическим уравнением Фишера, согласно которому:

¹ Турция — Уровень инфляции [электронный ресурс] // URL: <https://ru.tradingeconomics.com/>

$$M(t) \cdot V(t) = P(t) \cdot Y(t)$$

(1),

где $M(t)$ — денежная масса в обращении, $V(t)$ — скорость обращения денег, $P(t)$ — уровень цен, $Y(t)$ — реальный объем производства в период t .

Данное уравнение лежит в основе количественной теории денег и предполагает, что при относительно стабильной скорости обращения денег увеличение денежной массы (являющееся следствием мягкой монетарной политики и низких процентных ставок) неизбежно приводит к росту уровня цен, т. е. к инфляции, если только этот рост не компенсируется соответствующим увеличением реального объема производства. Неофиширианская интерпретация, напротив, переворачивает это причинно-следственное отношение, предполагая, что именно уровень процентных ставок непосредственно определяет темп инфляции в долгосрочном периоде.

Переосмысление классического уравнения количественной теории денег в неофиширианском ключе сопряжено с игнорированием краткосрочных и среднесрочных эффектов денежно-кредитной политики, а также с недоучетом структурных факторов инфляции, специфических для экономики Турции. Весьма показательно, что турецкий вариант неофиширианства не представлен в виде последовательной теоретической модели с четко сформулированным математическим аппаратом, а существует скорее как совокупность разрозненных политических деклараций, не получивших систематического научного обоснования.

Для эмпирической проверки действенности неофиширианского подхода обратимся к анализу воздействия низких процентных ставок на динамику инфляции и экономического роста в Турции в период 2018–2023 гг. Данный временной интервал особенно информативен, поскольку включает несколько циклов снижения ключевой ставки Центрального банка вопреки ускоряющейся инфляции.

Расчет инфляции производился согласно стандартной формуле:

$$\pi(t) = [P(t) - P(t-1)]/P(t-1) \cdot 100$$

(2),

где $\pi(t)$ — уровень инфляции в период t , $P(t)$ и $P(t-1)$ — уровни цен в периоды t и $t-1$ соответственно.

Наше исследование выявляет существенное расхождение между неофиширианскими ожиданиями и фактическими результатами политики низких процентных ставок. Наиболее драматичный эпизод произошел в 2021–2022 гг., когда, несмотря на инфляцию, превышавшую 70 %, Центральный банк Турции под политическим давлением снизил ключевую ставку с 19 % до 14 %. Результатом этого шага стал не спад, а, напротив, дальнейший всплеск инфляции, которая, по независимым оценкам, превысила 100 % в годовом исчислении. Турская лира обвалилась на 44 % по отношению к доллару США только за 2021 г., что привело к стремительному удорожанию импортируемых товаров и дальнейшему раскручиванию инфляционной спирали.

3. Системные дисфункции турецкой экономики

Исследование турецкой экономической модели обнаруживает целый комплекс взаимосвязанных структурных дисбалансов, которые в совокупности формируют фундаментальные ограничения для устойчивого развития страны. Эти дисбалансы не являются случайными отклонениями или следствием конъюнктурных колебаний, но представляют собой закономерный результат специфической модели роста, сложившейся в Турции за последние два десятилетия.

Турция в последние годы столкнулась с беспрецедентным валютным кризисом, масштаб которого превосходит даже потрясения рубежа веков. Стремительная девальвация лиры привела к серьезным последствиям для всего экономического механизма страны. Если в начале 2018 г. один доллар США можно было обменять примерно на 3,8 турецких лир, то к концу 2023 г. этот показатель превысил 29 лир за доллар, что означает обесценение национальной валюты более чем в 7,6 раз за пятилетний период.

Перманентный характер девальвации лиры запустил процесс интенсивной долларизации экономики — явления, при котором

экономические агенты стремятся перевести свои сбережения и активы в иностранную валюту, а также деноминировать в ней контракты и задолженности. По данным Центрального банка Турции, доля валютных депозитов в общем объеме банковских вкладов увеличилась с 31 % в 2015 г. до 65 % к концу 2022 г. Этот феномен создает своеобразную «валютную ловушку», в которой любое дополнительное ослабление лиры усиливает процесс долларизации, что в свою очередь оказывает дополнительное давление на курс национальной валюты [Надеин-Раевский 2023: 231].

Особую опасность представляет корпоративная долларизация. Турецкие компании нефинансового сектора накопили значительную внешнюю задолженность, деноминированную преимущественно в долларах США и евро. По состоянию на 2023 г. совокупная внешняя задолженность корпоративного сектора Турции составляет около 168 млрд долл. США, что соответствует 23 % ВВП страны. При продолжающемся обесценении лиры обслуживание этого долга становится все более обременительным для турецких компаний, что подрывает их финансовую устойчивость и инвестиционный потенциал.

Валютный кризис в Турции усугубляется специфической монетарной политикой, которая не соответствует общепринятым подходам к стабилизации валютного курса. Стандартный ответ на валютный кризис предполагает повышение процентных ставок для увеличения привлекательности активов в национальной валюте и сдерживания оттока капитала. Однако турецкие монетарные власти под политическим давлением придерживаются обратной стратегии,

сохраняя ключевую ставку на уровне существенно ниже инфляции, что стимулирует дополнительный отток капитала и усиливает давление на лиру.

3.1. Зависимость от внешнего финансирования

Фундаментальной структурной проблемой турецкой экономики является хронический дефицит текущего счета платежного баланса, который указывает на устойчивый разрыв между внутренними сбережениями и инвестициями. В среднем за период 2003–2022 гг. дефицит текущего счета Турции составлял около 4,5 % ВВП, что значительно превышает показатели других стран с аналогичным уровнем развития (см. табл. 1).

Устойчивый характер дефицита текущего счета свидетельствует о глубоком структурном дисбалансе турецкой экономики — недостаточном уровне национальных сбережений для финансирования инвестиций. Это делает страну критически зависимой от притока иностранного капитала, без которого поддержание высоких темпов экономического роста становится невозможным. При этом структура иностранных инвестиций в Турцию вызывает серьезные опасения: преобладают краткосрочные портфельные инвестиции и займы, в то время как доля прямых иностранных инвестиций остается относительно низкой.

Зависимость от краткосрочного внешнего финансирования делает турецкую экономику чрезвычайно уязвимой к изменениям в глобальных финансовых условиях и настроениях международных инвесторов. Статистический анализ показывает высокую корреляцию (коэффициент 0,76) между оттоком портфельных инвестиций и перио-

Таблица 1. Динамика дефицита текущего счета платежного баланса Турции (% от ВВП)
[Table 1. Deficit dynamics of Turkey's balance of payments account, % of GDP]

Период	Среднее значение дефицита текущего счета
2003–2007	-4,2 %
2008–2012	-5,8 %
2013–2017	-3,9 %
2018–2022	-4,1 %

Источник: [IMF 2025a]; расчеты Э. С. Манаширова.

дами экономических кризисов в Турции за последние 15 лет.

Кризис внешнего финансирования усугубляется снижением международных резервов Турции. По данным на конец 2022 г., чистые международные резервы Турции с учетом swap-соглашений находились в отрицательной зоне (около -54 млрд долл.), что существенно ограничивает возможности Центрального банка по стабилизации курса национальной валюты и обслуживанию внешних обязательств.

3.2. Инвестиционная модель и ее проблемы

Инвестиционная модель Турции, сложившаяся в период так называемого «экономического чуда», демонстрирует серьезные структурные дефекты, которые подрывают долгосрочную устойчивость экономического развития страны. Основной проблемой является диспропорциональное распределение инвестиционных ресурсов между секторами экономики с чрезмерной концентрацией в непроизводственных сферах, прежде всего в строительстве и недвижимости [Ульченко 2011: 17–23].

Математическая формализация инвестиционной функции для турецкой экономики может быть представлена следующим образом:

$$I(t) = \alpha Y(t) - \beta R(t)$$

(3),

где $I(t)$ — объем инвестиций в момент времени t , $Y(t)$ — реальный ВВП, $R(t)$ — уровень внешнего долга, α и β — коэффициенты, отражающие чувствительность инвестиций к изменениям ВВП и внешнего долга соответственно.

Эконометрический анализ временных рядов за период 2005–2022 гг. позволяет оценить значения этих коэффициентов: $\alpha \approx 0,23$, что указывает на относительно низкую эластичность инвестиций по отношению к росту ВВП, и $\beta \approx 0,17$, что свидетельствует о значительном негативном влиянии накопленного внешнего долга на инвестиционную активность.

В 2010–2020 гг. доля строительного сектора в ВВП Турции достигла 8,7 % против 5 % в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), при

этом инвестиции в высокотехнологичные производства составляли всего 2,1 % ВВП, что ниже показателей стран-конкурентов. Это создало «пузырь» на рынке недвижимости, где цены выросли на 200 % в 2010–2022 гг., опережая рост доходов и снижая доступность жилья. К 2023 г. объем непродаенного жилья достиг 2 млн единиц (7 % жилищного фонда страны).

3.3. Интегральная оценка динамики экономического развития

Для комплексного анализа траектории развития турецкой экономики целесообразно использовать интегральный подход, который позволяет оценить кумулятивное воздействие различных факторов на динамику экономического роста. Математически это можно выразить следующим образом:

$$Y(t) = Y(0) + \int_0^t [f(M(\tau), V(\tau), I(\tau)) - g(\pi(\tau))] dt$$

(4),

где $Y(t)$ — реальный ВВП в момент времени t , $Y(0)$ — начальный уровень ВВП, $M(\tau)$ — денежная масса, $V(\tau)$ — скорость обращения денег, $I(\tau)$ — инвестиции, $\pi(\tau)$ — инфляция, f и g — функции положительного влияния первых трех факторов и отрицательного влияния инфляции соответственно.

Анализ экономики Турции за 2003–2023 гг. выявил ключевой перелом в 2013 г., когда негативные факторы стали преобладать над позитивным влиянием факторов производства и денежной массы. Это совпало с началом политической нестабильности и отходом от традиционной экономической политики. Расчеты показывают, что к 2023 г. разрыв между фактическим и потенциальным ВВП (при сохранении политики 2003–2013 гг.) достиг почти 21 %, что равноценно потере примерно 185 млрд долл. национального дохода.

4. Теоретико-игровая модель экономических решений

Динамическая природа турецкой экономики и многоплановость кризисных явлений в ней делают целесообразным использование инструментария теории игр для анализа стратегического взаимодействия ключевых экономических акторов. Такой подход позволяет formalизовать сложные

взаимозависимости между решениями различных участников экономического процесса и спрогнозировать возможные равновесия, возникающие в результате рациональных действий агентов.

Основные игроки: государство, инвесторы, потребители.

В контексте турецкой экономической модели ключевыми игроками выступают:

1) государство — определяет параметры монетарной, фискальной и регуляторной политики;

2) инвесторы — включают как внутренних, так и международных финансовых агентов, осуществляющих вложения в турецкую экономику;

3) потребители — домохозяйства, чьи решения о потреблении и сбережении формируют совокупный спрос.

4.1. Матрица стратегий и выигрышей

Стратегическое взаимодействие государства и инвесторов можно представить в виде следующей платежной матрицы (см. табл. 2).

В данной матрице Y обозначает уровень экономического роста, а π — уровень инфляции. Символы « $+$ », « 0 » и « $-$ » отражают соответственно повышение, сохранение без изменений или снижение соответствующего показателя.

Стратегии государства включают:

— S_1 : увеличение государственных расходов (экспансионистская фискальная политика);

— S_2 : снижение налоговой нагрузки (стимулирование через налоговые инструменты);

— S_3 : ужесточение денежно-кредитной политики (повышение процентных ставок).

Стратегии инвесторов представлены тремя возможными действиями:

— I_1 : активное инвестирование в турецкую экономику;

— I_2 : поддержание существующего уровня инвестиций;

— I_3 : вывод капитала из страны.

Интерпретация платежной матрицы позволяет выявить следующие закономерности:

1) стратегическая дилемма государства: мягкая фискальная политика (S_1, S_2) потенциально способна стимулировать рост, но лишь при условии положительной реакции инвесторов;

2) рациональные ожидания инвесторов: выбор инвестиционной стратегии базируется на оценке долгосрочной устойчивости избранного государством курса;

3) множественность равновесий: в зависимости от исходных условий, репутации государства и степени доверия инвесторов могут формироваться различные равновесия — как благоприятные, так и неблагоприятные для экономического развития.

4.2. Анализ равновесий и оптимальных стратегий

Анализ игры в нормальной форме позволяет идентифицировать несколько потенциальных равновесий:

1) благоприятное равновесие (S_2, I_1): снижение налоговой нагрузки стимулирует инвестиционную активность, что приводит к экономическому росту и снижению инфляционного давления благодаря увеличению предложения. Это равновесие соответствует ситуации «экономического чуда», наблюдавшейся в Турции в 2002–2012 гг.;

2) неблагоприятное равновесие (S_1, I_3): экспансионистская фискальная политика воспринимается инвесторами как несбалансированная и рискованная, что приводит к оттоку капитала. Результатом становится снижение экономического роста при одновременном ускорении инфляции — стагфляционная ловушка, в которой оказалась турецкая экономика в 2018–2023 гг.;

Таблица 2. Влияние стратегий государства и инвесторов на экономические показатели

[Table 2. Impacts of government and investment strategies on economic indicators]

Государство / Инвесторы	(I ₁) Инвестировать	(I ₂) Удерживать	(I ₃) Выводить
(S ₁) Увеличить госрасходы	(Y ⁺ , π ⁻)	(Y ⁰ , π ⁰)	(Y ⁻ , π ⁺)
(S ₂) Снизить налоги	(Y ⁺ , π ⁻)	(Y ⁰ , π ⁰)	(Y ⁻ , π ⁺)
(S ₃) Ужесточить монетарную политику	(Y ⁻ , π ⁺)	(Y ⁰ , π ⁰)	(Y ⁻ , π ⁺)

Источник: составлено Э. С. Манашировым.

3) равновесие стабилизации (S_3 , I_2): жесткая монетарная политика не стимулирует приток новых инвестиций, но позволяет удержать существующий капитал в стране, обеспечивая макроэкономическую стабильность и создавая предпосылки для будущего роста.

Расширенный анализ с включением динамической составляющей показывает, что рациональные ожидания инвесторов формируются не только на основе текущих решений государства, но и с учетом его репутации и истории предыдущих решений. Формально это можно выразить следующим образом:

$$P(I_1|S) = f(R_g, C_s, M_f) \quad (5)$$

$P(I_1|S)$ — вероятность выбора инвесторами стратегии активного инвестирования при заданной государственной стратегии S , R_g — репутационный капитал государства, C_s — последовательность (непротиворечивость) проводимой политики, M_f — фундаментальные макроэкономические показатели.

5. Сравнительный анализ показателей турецкой экономики и экономик других развивающихся стран

Для объективной оценки экономических результатов Турции целесообразно провести компаративный анализ ключевых макроэкономических индикаторов в сопоставлении с референтной группой стран, имеющих схожие стартовые условия, струк-

турные характеристики и геоэкономическое положение.

Главное структурное отличие турецкой модели от более успешных развивающихся экономик заключается в хронически отрицательном счете текущих операций при относительно невысокой норме инвестиций. Это свидетельствует о модели роста, основанной преимущественно на потреблении, а не на накоплении производственного капитала.

Другим важным фактором является высокая степень зависимости турецкой экономики от внешнего финансирования. В условиях глобальной финансовой нестабильности это приводит к значительным рискам. Резкое падение курса лиры в 2018 г. (за 47 дней она обесценилась на 35 %) стало следствием не только внутренней экономической политики, но и изменений в международной финансовой среде. В отличие от стран с более устойчивыми экономиками, таких как Бразилия или Мексика, которые смогли создать более диверсифицированные источники финансирования и снизить свою зависимость от иностранных кредиторов, Турция продолжает сталкиваться с проблемами привлечения долгосрочных инвестиций.

Кроме того, политическая нестабильность и авторитарные тенденции в управлении также играют значительную роль в формировании экономической среды. В то время как многие развивающиеся страны смогли добиться прогресса благодаря демократическим реформам и улучшению

Таблица 3. Среднегодовые темпы роста реального ВВП, 2003–2022 гг. (%)

[Table 3. Average annual real GDP growth rates, 2003–2022 (%)]

Показатель	Турция	Бразилия	Россия	Индия	Китай	Южная Корея
Рост реального ВВП, %	5,8	3,5	4,8	7,4	10,2	4,1
Инфляция, %	8,7	6,2	9,7	7,8	2,6	2,8
Счет текущих операций, % ВВП	-4,9	0,3	8,2	-1,7	5,3	2,6
Валовые инвестиции, % ВВП	22,3	19,4	21,8	33,7	43,2	31,2
Прямые иностранные инвестиции, млрд USD	12,7	38,4	26,8	22,5	106,8	9,3
Доля высокотехнологичного экспорта, %	2,2	11,5	8,3	7,5	27,1	29,8

Источник: [IMF 2025б; World Economic Outlook Update 2023].

правовой среды для бизнеса (например, Индонезия), в Турции наблюдается ухудшение инвестиционного климата из-за политических репрессий и ограничения свободы слова. Это создает дополнительные барьеры для привлечения иностранных инвестиций и ведет к утечке капитала.

Также стоит отметить влияние геополитических факторов на экономику Турции. Страна находится на пересечении важнейших торговых путей между Европой и Азией, что дает ей стратегическое преимущество. Однако это же положение делает ее уязвимой к региональным конфликтам и политическим кризисам. Военные операции в Сирии и напряженные отношения с соседними странами негативно сказываются на экономической стабильности страны.

6. Эволюция геополитики Турции в контексте экономических реформ

Ситуация в экономике способствовала значительной трансформации геополитических амбиций Турции. Турецкое «экономическое чудо» привело к тому, что страна стала более активной на международной арене. На протяжении всех 2000-х гг., пока проводились внутриэкономические реформы, главной геополитической концепцией Турции была «Стратегическая глубина», разработанная в 2001 г. Министром иностранных дел А. Давутоглу [Третьяк 2022: 117]. А. Давутоглу подчеркивал необходимость сосредоточения на геополитическом, геокультурном и геоэкономическом контексте, окружающем Турцию, а также на имеющихся у нее ресурсах. С начала 2000-х гг. были выделены пять ключевых принципов внешнеполитической активности Турции.

Первый принцип, названный «балансом между безопасностью и демократией», подразумевает, что легитимность политического режима определяется его способностью одновременно обеспечивать безопасность и свободу граждан. Второй принцип, получивший название «ноль проблем с соседями», акцентирует внимание на необходимости максимального сотрудничества с соседними государствами и нормализации двусторонних отношений. Третья составляющая внешнеполитической стратегии Турции

заключается в «проактивной, упреждающей и мирной дипломатии», направленной на предотвращение возникновения или эскалации кризисов. Четвертый принцип — это «приверженность многовекторной политике», которая предполагает установление взаимодополняющих отношений с различными международными акторами, избегая конкуренции. Наконец, пятый принцип акцентирует важность участия в международных организациях и активной позиции по вопросам глобального и межгосударственного значения с целью укрепления международных позиций Турции.

Таким образом, в 2000-х гг. на начальных этапах так называемого «экономического чуда» основное внимание уделялось сотрудничеству и развитию дружественных отношений с другими государствами через дипломатические методы. В этой связи в турецкой политической среде возникло понятие «новый стиль дипломатии», которое подчеркивало приоритет не военной силы, а «гражданско-экономической мощи» Турции и использование «мягкой силы» как основного инструмента внешней политики.

Стоит отметить, что термин «мягкая сила» не был широко распространен в риторике турецких политиков в период первого срока правления ПСР (2002–2007) и отсутствовал даже в «Стратегической глубине». Лишь в 2007–2008 гг. А. Давутоглу ввел понятие «невидимая сила», связывая его с дипломатическим успехом страны, достигнутым благодаря ее посреднической деятельности в регионе.

В 2009 г. А. Давутоглу провел ряд переговоров с высокопоставленными представителями Греции, что стало важным шагом к нормализации отношений между двумя странами, исторически находившимися в состоянии напряженности. Эти встречи способствовали обсуждению вопросов, касающихся миграции, энергетики и безопасности в Эгейском море.

Важным элементом политики «нулевых проблем» также стали усилия по улучшению отношений с арабскими странами. В 2010 г. А. Давутоглу посетил Сирию, где провел переговоры с Президентом Б. Асадом. В ходе этой встречи стороны обсудили

вопросы экономического сотрудничества и совместных проектов, таких как строительство инфраструктуры и развитие торговли. Это взаимодействие стало символом стремления Турции укрепить свои позиции на Ближнем Востоке и продемонстрировать свою роль как регионального лидера.

Кроме того, А. Давутоглу активно работал над улучшением отношений с Ираном. В 2010 г. он инициировал встречу с иранским министром иностранных дел М. Моттаки, на которой обсуждались вопросы ядерной программы Ирана и возможности для совместного экономического сотрудничества. Эти переговоры стали важным шагом к установлению более конструктивного диалога между двумя странами, несмотря на существующие разногласия.

Не менее значимой была инициатива по укреплению связей с государствами Южного Кавказа. В 2010 г. А. Давутоглу посетил Азербайджан и Армению, где провел встречи с руководством обеих стран. Эти визиты были направлены на снижение напряженности в регионе и поиск путей для разрешения конфликта вокруг Нагорного Карабаха. А. Давутоглу подчеркивал важность диалога и взаимопонимания для достижения стабильности в Кавказском регионе.

Политика «Ноль проблем с соседями» также включала и развитие экономических связей: Турция подписала ряд соглашений о свободной торговле с соседними государствами, что способствовало увеличению взаимных инвестиций и торговли. Непосредственной частью этой политики было сближение с Европейским союзом. Под руководством Партии справедливости и развития во главе с Р. Т. Эрдоганом Турция начала проводить реформы, направленные на соответствие Копенгагенским критериям ЕС, и в 2005 г. начались официальные переговоры между Анкарой и Брюсселем о вступлении страны в объединение.

Это событие стало значительным достижением для ПСР, подтвердившей свою способность реализовать стремление турецкого государства и народа к интеграции в ЕС. Население страны также выразило свою поддержку правящей партии и ее курсу: в 2004 г. более 70 % граждан одобрили идею

вступления в ЕС. Однако в последующие годы уровень поддержки начал неуклонно снижаться, и к 2010 г. он составил менее 40 %. Это снижение связано, прежде всего, с замедлением процесса внутриполитических реформ и неопределенностью относительно перспектив членства Турции в объединении. Ключевым был вопрос приведения законодательства Турции в соответствие с общеевропейскими стандартами, в том числе в том, что касается взаимодействия с этническим меньшинством курдов, а также вопросы либерализации экономики и политической сферы.

Не менее противоречивым остается кипрский вопрос, который из года в год становится камнем преткновения в отношениях между Турцией и ЕС. С 1974 г. турецкая сторона осуществляет оккупацию северной части острова, на которой образована Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК), признанная лишь Анкарой. Если в 2000-х гг. и начале 2010-х гг. турецкое правительство было привержено решению кипрской проблемы посредством диалога, то в последнее время акцентируется внимание на невозможности этого [Eldani 2022: 218]. Ключевым здесь стало вступление ТРСК в состав Организации тюркских государств, которое показало, что Турция видит долгосрочное будущее данного государственного образования и будет бороться за его признание на международной арене.

Европейский путь Турции претерпел серьезный кризис на фоне общего движения политической системы страны к авторитаризму. Попытка военного переворота в 2016 г. и последующее ужесточение внутренней политики правительства оказало серьезное влияние на перспективы членства Турции в ЕС. За 11 лет с начала переговоров о членстве в 2005 г. было открыто только 16 из 35 глав соответствия Турции Копенгагенским критериям, а закрыта была лишь одна. С 2016 г. не было открыто ни одной новой главы, и в тот же год Европейский парламент принял резолюцию, призывающую Еврокомиссию приостановить переговоры о вступлении Турции в объединение. Несмотря на компромиссы, достигнутые в марте 2016 г. по вопросам регулирования

черноморского потока мигрантов, по которому беженцы массово прибывали в Грецию и затем распространялись по всему ЕС, прогресса в переговорном процессе достигнуто не было. В результате из года в год привлекательность Турции для инвесторов снижается, за счет чего экономическая модель, основанная на постоянном притоке внешних ресурсов, постепенно исчерпывает себя.

Необходимо отметить, что неудача Турции во вступлении в ЕС обусловлена не только политическими разногласиями, но и сугубо экономическими факторами. Не все секторы турецкой экономики продемонстрировали конкурентоспособность в рамках Таможенного союза с ЕС. Поток прямых иностранных инвестиций находился на низком уровне, а диспропорции в развитии прибрежных и юго-восточных регионов страны делали интеграцию в ЕС маловероятной. Уровень безработицы, особенно среди молодежи, также оставался высоким.

Как было указано выше, турецкое «экономическое чудо» 2002–2010 гг. имело специфическую структуру. В отличие от успешных моделей, основанных на инвестициях в производственный сектор и технологическое развитие, турецкий рост был в значительной степени обусловлен потребительским бумом, финансируемым за счет кредитования, и масштабным строительством. Это указывает на менее устойчивую и сбалансированную модель развития, в большей степени подверженную рискам и внешним факторам. Несмотря на это, положительные макроэкономические показатели того времени совместно с общими geopolитическими трендами способствовали изменению геополитического позиционирования Турции от европеизма к неоосманизму.

Если в начале 2000-х гг. под руководством премьер-министра Р. Т. Эрдогана и его правительства Турция стремилась интегрироваться в Европейский союз, рассматривая это как стратегическую цель для модернизации страны и укрепления ее позиций на международной арене, то с началом Арабской весны в 2011 г. и масштабной реконфигурацией регионального баланса сил на Ближнем Востоке подход Турции к внешней политике начал меняться. ПСР под

руководством Р. Т. Эрдогана начала акцентировать все большее внимание на неоосманистских амбициях. Это выражалось в стремлении восстановить влияние Турции в регионах, которые когда-то входили в состав Османской империи. Внешняя политика стала более агрессивной: Турция активно вмешивалась в конфликты на Ближнем Востоке, поддерживая различные группировки и расширяя свое влияние в таких странах, как Ливия и Сирия.

Неоосманизм стал не только внешнеполитической доктриной, но и важным элементом внутренней идентичности. Турция перешла к использованию исторических нарративов для укрепления национального единства и легитимации своей власти. Это привело к изменению восприятия Турции как страны, стремящейся к европейской интеграции, к образу государства, которое активно отстаивает свои интересы на международной арене, опираясь на историческое наследие Османской империи.

Не будет преувеличением отметить, что в результате понимания глубинного кризиса турецкой экономической модели ПСР выбрала путь авторитаризма для сохранения собственной власти и укрепления дискурсивного образа Турции на международной арене. В период «мягкого авторитаризма» (2002–2013 гг.) ПСР проводила неолиберальную политику наряду с улучшением доступа к кредитам и социальным программам. Однако по мере ухудшения глобальных экономических условий и усиления противоречий неолиберализма к 2013 г. наступила фаза «жесткого авторитаризма», когда государство напрямую стало вмешиваться в экономику и избавляться от оппозиционных движений [[Özdemir 2023: 1267](#)].

Исследователи по-разному называют построенный в Турции режим. Некоторые делают акцент на двух противоборствующих внутри страны системах, называя его «конкурентным авторитаризмом» [[Esen 2021: 155](#)]. Другие являются сторонниками понимания современной Турции как «авторитарно-неолиберального» государства, в котором тесно переплетаются элементы обоих концептов [[Altinörs, Akçay: 1029–1053](#)]. В любом случае в том, что касается

позиционирования на международной арене, силы Турции как субрегионального актора оканчиваются на ее ограниченных экономических возможностях.

Масштабная внешнеполитическая активность в Средиземноморье и Леванте, странах Центральной Азии, а также вокруг Красного моря и в странах Африканского рога требует от Турции сильной и стабильной экономики. Экономический кризис, с которым сталкивается страна, оказывает значительное влияние на ее внешнеполитические амбиции и стратегические цели. Президент Р. Т. Эрдоган стремится превратить Турцию из субрегионального экономического центра в глобальную экономическую державу, что подразумевает не только рост внутреннего производства, но и активное привлечение иностранных инвестиций. Однако текущая экономическая ситуация, характеризующаяся высокой инфляцией и нестабильностью финансовых потоков, ставит под сомнение реализацию этих амбиций.

В рамках Двенадцатого плана развития (2024–2028) Турция нацелена на улучшение своего международного статуса и борьбу с инфляцией, что должно способствовать укреплению ее позиций на мировой арене. Однако фактические показатели иностранных инвестиций остаются ниже ожидаемых. В 2024 г. объем иностранных инвестиций, вероятно, останется на уровне 10,6 млрд долл. США, что значительно ниже пиковых значений 2007 г. [Focus Business Türkiye 2024]. Высокая инфляция, достигшая 85 % в октябре 2022 г. и остающаяся на уровне 47 % в ноябре 2024 г., также негативно скаживается на привлекательности страны для иностранных инвесторов.

Несмотря на усилия правительства по стабилизации экономики через жесткую монетарную политику, популярность правящей Партии справедливости и развития снизилась. На местных выборах в марте 2024 г. партия получила лишь 35 % голосов по сравнению с 52 % на национальных выборах предыдущего года. Это свидетельствует о растущем недовольстве населения и может повлиять на внешнеполитические решения страны. Это также способствует

росту внутриполитической нестабильности и авторитарных тенденций в деятельности ПСР, которая во многом срастается с государственным аппаратом в результате процесса картелизации партийной системы Турции.

ПСР при поддержке Партии националистического движения преследует двойную стратегию: систематическое устранение политических соперников и продолжение давней политики Турции по ограничению прав курдского меньшинства. В 2025 г. заключение Э. Имамоглу — главного оппозиционного лидера — привело политический климат в Турции к точке кипения. Похожие процессы связаны с систематическими попытками Турции стереть курдскую идентичность, в том числе в контексте ее культурных инициатив. В 2025 г. Р. Т. Эрдоган предложил праздновать праздник Новруз — значимое культурное и политическое событие для курдов — коллективно «турецким миром» под эгидой Организации тюркских государств.

Несмотря на амбициозные планы по расширению влияния в регионе и за его пределами, текущая экономическая нестабильность, высокая инфляция и растущий уровень бедности подрывают способность страны реализовывать свои стратегические цели [Erol 2024: 927]. Внутриполитическая нестабильность, усугубляемая ростом авторитаризма и репрессиями против оппозиции, создает дополнительное напряжение в обществе. Эти факторы могут привести к внутреннему взрыву, если правительство не сможет эффективно справиться с экономическими вызовами и восстановить доверие граждан.

7. Заключение

Проведенное исследование турецкой экономической модели позволяет сделать вывод о несостоятельности концепции «турецкого экономического чуда». Комплексный анализ макроэкономических показателей и структурных характеристик экономики Турции выявляет системные дисбалансы, препятствующие устойчивому долгосрочному развитию и создающие ограничения

для внешнеполитической активности Турции.

Сравнительный анализ с другими развивающимися экономиками наглядно демонстрирует, что рост турецкой экономики в 2002–2010 гг., воспринимавшийся как «экономическое чудо», основывался преимущественно на потребительском кредитовании и строительном буме, а не на накоплении производственного капитала и технологическом развитии. Об этом свидетельствует хронически отрицательный счет текущих операций при относительно невысокой норме инвестиций и крайне низкой доле высокотехнологичного экспорта (2,2 %) по сравнению с успешными экономиками Южной Кореи (29,8 %) и Китая (27,1 %).

Экономический эксперимент с применением неофиширианского подхода к monetарной политике, предпринятый в 2018–2023 гг., не только не подтвердил гипотезу о том, что снижение процентных ставок способствует сокращению инфляции, но и привел к прямо противоположному результату. Снижение ключевой ставки в условиях высокой инфляции вызвало обвальное падение курса лиры, стремительное удорожание импорта и дальнейшее раскручивание инфляционной спирали.

Построенная теоретико-игровая модель взаимодействия государства и инвесторов показывает, что нарушение последовательности макроэкономической политики и подрыв независимости Центрального банка приводят к формированию негативных ожи-

даний инвесторов и, как следствие, к оттоку капитала, что в конечном счете загоняет экономику в стагфляционную ловушку.

Таким образом, опыт Турции демонстрирует, что устойчивое экономическое развитие невозможно без структурных реформ, направленных на диверсификацию экономики, повышение технологичности экспорта, обеспечение макроэкономической стабильности и независимости монетарной политики. Вместо «экономического чуда» мы наблюдаем классический пример того, как краткосрочный рост, стимулируемый экзогенными факторами и потребительским кредитованием, без создания прочного фундамента в виде технологического развития и институциональных реформ, закономерно приводит к долгосрочным кризисным явлениям.

В рамках анализа внешнеполитического позиционирования Турции показателен факт, что Турция меняла свои geopolитические амбиции по мере того, насколько успешными казались ее внутриэкономические реформы. На рубеже 2010-х гг. Турция перешла от политики «нуля проблем» А. Давутоглу к более проактивной и агрессивной политике неоосманизма, которая не соответствует ее современным экономическим возможностям. Экономическая нестабильность, высокая инфляция и растущий уровень бедности как результат некачественных реформ 2000-х гг. подрывают возможности страны для реализации ее стратегических целей на современном этапе.

Литература

- Аббасов 2017 — *Аббасов Э. М.* Российско-турецкие отношения в годы правления партии справедливости и развития (2003–2017 гг.) // Современная научная мысль. 2017. № 5. С. 68–97.
- Надеин-Раевский 2023 — *Надеин-Раевский В. А.* Турция: борьба с экономическими проблемами и активная внешняя политика // Год планеты: Ежегодник. 2022 / гл. ред. В. Г. Барановский. М.: Идея-Пресс, 2023. С. 223–234.

References

- Abbasov E. M. Russian-Turkish relations in the years of the partnership of the Justice and Development Party (2003–2017). *Modern Scientific Thought*. 2017. No. 5. Pp. 68–97. (In Russ.)
- Nadein-Raevskiy V. A. Türkiye: Fighting economic problems and an active foreign policy. In: Baranovsky V. G., Soloviev E. G. (eds.) *The Year of the Planet: Yearbook. Collected papers*. Moscow: Ideya-Press, 2023. Pp. 223–234. (In Russ.)

- Никотин 2016 — Никотин Д. А. Трансформация политических режимов после военного переворота // Наука Красноярья. 2016. Т. 5. № 5. С. 82–96.
- Третьяк 2022 — Третьяк С. С. Концепция Ахмета Давутоглу "Стратегическая глубина": теория и практика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8(74). № 2. С. 109–123. EDN: HIZCPQ.
- Ульченко 2010 — Ульченко Н. Ю. О новом подходе к периодизации экономической истории Турецкой Республики // Восток (Oriens). 2010. № 4. С. 115–127.
- Ульченко 2011 — Ульченко Н. Ю. Турецкое "экономическое чудо": образец для подражания // Азия и Африка сегодня. 2011. № 12(653). С. 17–23.
- Altinörs, Akçay 2022 — Altinörs G., Akçay Ü. Authoritarian neoliberalism, crisis, and consolidation: the political economy of regime change in Turkey // Globalizations. 2022. Vol. 19(7). Pp. 1029–1053.
- Cinar, Kose 2015 — Cinar K., Kose T. Economic Crises in Turkey and Pathways to the Future // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2015. Vol. 17(2). Pp. 159–180.
- Eldani 2022 — Eldani M. S. Accession Journey of Turkey to The European Union Membership // Academic Knowledge. 2022. Vol. 5(1). Pp. 210–221.
- Elliott 2013 — Elliott L. Why the Federal Reserve must taper quantitative easing before Christmas [электронный ресурс] // The Guardian. 2013. URL: <https://www.theguardian.com/business/economics-blog/2013/dec/15/federal-reserve-scale-back-quantitative-easing-christmas> (дата обращения : 11.04.2025).
- Erol 2024 — Erol E. The Decline of Turkey as a Subimperialist Power: Political Economy of the Turkish Foreign Policy under AKP Rule // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2024. Vol. 26 (6). Pp. 920–935.
- Esen 2021 — Esen B. Competitive authoritarianism in Turkey under the AKP rule // The Routledge Handbook on Contemporary Turkey. 2021. Chapter 13. Pp.153–167.
- Nikotin D. A. Political regime transformations after military coup. *Krasnoyarsk Science*. 2016. Vol. 5. No. 5. Pp. 82–96. (In Russ.)
- Tretyak S. S. Concept "Strategic Depth" by Ahmet Davutoğlu: Theory and practice. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 2022. Vol. 8(74). No. 2. Pp. 109–123. (In Russ.)
- Ulchenko N. Yu. A new approach to the division into periods of the economic history of the Turkish Republic. *Vostok (Oriens)*. 2010. No. 4. Pp. 115–127. (In Russ.)
- Ulchenko N. Yu. Turkish "economic miracle": Could it be a model for imitation. *Asia and Africa Today*. 2011. No. 12(653). Pp. 17–23. (In Russ.)
- Altinörs G., Akçay Ü. Authoritarian neoliberalism, crisis, and consolidation: The political economy of regime change in Turkey. *Globalizations*. 2022. Vol. 19. No. 7. Pp. 1029–1053. (In Eng.) DOI: 10.1080/14747731.2021.2025290
- Cinar K., Kose T. Economic crises in Turkey and pathways to the future. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 17. No. 2. Pp. 159–180. (In Eng.)
- Eldani M. S. Accession journey of Turkey to the European Union membership. *Academic Knowledge*. 2022. No. 5 (1). Pp. 210–221. (In Eng.)
- Elliott L. Why the Federal Reserve must taper quantitative easing before Christmas. On: The Guardian (website). Posted on 15 December 2013. Available at: <https://www.theguardian.com/business/economics-blog/2013/dec/15/federal-reserve-scale-back-quantitative-easing-christmas> (accessed: 11 April 2025). (In Eng.)
- Erol E. The decline of Turkey as a subimperialist power: Political economy of the Turkish foreign policy under AKP rule. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2024. Vol. 26. No. 6. Pp. 920–935. (In Eng.) DOI: 10.1080/19448953.2024.2311953
- Esen B. Competitive authoritarianism in Turkey under the AKP rule (Chapter 13). In: The Routledge Handbook on Contemporary Turkey. London: Routledge, 2021. Pp.153–167. (In Eng.)

- Focus Business Türkiye 2024 — Report “Focus Business Türkiye” [электронный ресурс] // Ministry of Trade of the Republic of Türkiye. 2024. 9 p. URL: <https://www.trade.gov.tr/data/6752e89213b8761ad0812e8d/FBT%20NOVEMBER%202024.pdf> (дата обращения: 29.04.2025).
- Gobbi et al. 2022 — *Gobbi L., Mazzocchi R., Tamborini R.* Monetary Policy, Rational Confidence, and Neo-Fisherian depressions // *Metroeconomica*. 2022. Vol. 73. No. 4. Pp. 1179–1199. (In Eng.) DOI: 10.1111/meca.12398
- IMF 2025a — Current account balance. Republic of Türkiye [электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/BCA_NGDPD@WEO/CAQ/TUR?year=2025 (дата обращения: 17.04.2025).
- IMF 2025b — Real GDP growth. Republic of Türkiye [электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/CAQ/TUR?year=2025 (дата обращения: 19.04.2025).
- Özdemir 2023 — *Özdemir Y.* The AKP’s ‘Embedded Neoliberalism’ and the Rise of ‘Authoritarian Embeddedness’ in Turkey // *Critical Sociology*. 2023. Vol. 50(7–8). Pp. 1263–1284.
- Rodrik 2009 — *Rodrik D.* The Turkish Economy After The Crisis (Provided in Cooperation with Turkish Economic Association, Ankara) [электронный ресурс] // EconStor (ZBW). 2009. No. 9. Pp. 1–26 (дата обращения: 29.04.2025).
- World Economic Outlook Update 2023 — International Monetary Fund. Research Dept. World Economic Outlook Update. July 2023. P. 11 DOI: 10.5089/9798400243165.081
- Focus Business Türkiye, November 2024. 9 p. On: Ministry of Trade of the Republic of Türkiye (website), General Directorate of Exports. 2024. Available at: <https://www.trade.gov.tr/data/6752e89213b8761ad0812e8d/FBT%20NOVEMBER%202024.pdf> (accessed: 29 April 2025). (In Eng.)
- Gobbi L., Mazzocchi R., Tamborini R. Monetary policy, rational confidence, and Neo-Fisherian depressions. *Metroeconomica*. 2022. Vol. 73. No. 4. Pp. 1179–1199. (In Eng.) DOI: 10.1111/meca.12398
- Current account balance. Republic of Türkiye. On: International Monetary Fund (website). Available at: https://www.imf.org/external/datamapper/BCA_NGDPD@WEO/CAQ/TUR?year=2025 (accessed: 17 April 2025). (In Eng.)
- Real GDP growth. Republic of Türkiye. On: International Monetary Fund (website). Available at: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/CAQ/TUR?year=2025 (accessed: 19 April 2025). (In Eng.)
- Özdemir Y. The AKP’s ‘embedded neoliberalism’ and the rise of ‘authoritarian embeddedness’ in Turkey. *Critical Sociology*. 2023. Vol. 50. No. 7–8. Pp. 1263–1284. (In Eng.) DOI: 10.1177/08969205231212677
- Rodrik D. The Turkish Economy after the Crisis. Turkish Economic Association (Ankara), discussion paper no. 2009/9. 26 p. On: EconStor (publication server). Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/81581/1/619932791.pdf> (accessed: 29 April 2025). (In Eng.)
- World Economic Outlook Update, July 2023. International Monetary Fund (Research Department), 2023. 11 p. (In Eng.) DOI: 10.5089/9798400243165.081

